

он говорит лишь один раз, ни почему он на этом настаивает, потому что он не настаивает. Правда, один раз он действительно сказал, что Дева Мария поистине была женщиной; но сама структура фразы объясняет, почему он так сказал. Добавив к словам «*figliuolo di Maria Vergine, femmina veramente e figlia di Iocchino e d'Adam*» другие два слова: «*uomo vero*» [человек истинный], Данте нам дает понять, что Христос был истинным человеком именно потому, что Его мать поистине была женщиной. Как сказал св. Кирилл, и св. Фома повторил за ним: «Слово Божье родилось от субстанции Бога Отца; но, коль скоро Оно облеклось плотью, следует с необходимостью признать, что по плоти Оно родилось от женщины»². Думаю, что и Данте хотел сказать именно это. Но каковы бы ни были его намерения, этот единственный текст весьма далек от четырех текстов, о которых говорит о. Мандонне, и от их симметрии. Трудно вообразить, будто утверждение о том, что Дева Мария поистине была женщиной, означает здесь, что Беатриче женщиной не была.

II. — БЕАТРИЧЕ — ЧИСЛО

Итак, Беатриче — символ теологии; но так как она представляет христианскую жизнь в ее совокупности, это не мешает ей символизировать, кроме того, и нечто другое. Оказывается, Данте и сам вкладывал в персонаж Беатриче определенную символику и объяснил ее нам. На этот раз мы стоим на твердой почве. Прежде всего, ясно, что «Новая жизнь» заключает в себе аллегорический смысл, скрытый в смысле буквальном, что было бы нетрудно заметить, даже если бы Данте об этом не сказал. Точно так же ясно, поскольку Данте сам потрудились предупредить нас об этом, что Беатриче, начиная с «*Vita Nuova*», принимает религиозную символику, а именно, символику числа 9, корень которого — 3, то есть «дивная Троица»³.

подчеркнуть половину дантовской фразы, аннулирую в сознании читателя другую ее половину: «Если рассуждать более тонко и *согласно с непреложной истиной, то это число было ею самой*; я заключаю по сходству и понимаю это так...», и т. д.¹ Но можно выделить и другую часть фразы: «Если рассуждать более тонко и согласно с непреложной истиной, то это число было ею самой; я *заключаю по сходству* и понимаю это так...», и т. д. Наконец, можно последовать за Данте и вообще ничего не подчеркивать, а прочесть фразу так, как он ее написал. Тогда она означает следующее: число 3 было не просто числом, дружественным Беатриче; оно было самой Беатриче, о чем я заключаю по аналогии, и т. д. Отсюда естественно следует, что Беатриче была числом не реально, а символически, что вовсе не одно и то же.

В другом тексте «Новой жизни» Данте говорит о том, как сочинил послание в форме *сервентезы*, где перечислил имена шестидесяти наипрекраснейших донн того города, в котором жила Беатриче, и в этом списке ее имя не пожелало занять никакого иного места, кроме девятого². Мне кажется бесспорным, что здесь Данте имеет в виду священную символику Беатриче. Значит, нужно признать это, и было бы, несомненно, мудрым на этом остановиться. Иначе поступает о. Мандонне, который угадывает здесь совсем иные тайны: «Трезвый ум, — замечает он, — нашел бы, что шестьдесят красавиц — преувеличенная цифра даже для такого города, как Флоренция, где всё, вещи и люди, прославлено своей красотой, но который был не слишком велик во времена Данте». В действительности, добавляет Мандонне, число 60 оказывается символом естественного и научного порядка, как можно вывести из текста св. Фомы, *Quodlib.* VIII, 1. С другой стороны, в «Пире», II, 14 Данте уподобляет науки шестидесяти царицам, о которых говорит царь Соломон и над которыми царит теология. Следовательно, невозможно сомневаться

Как распутать клубок этой символической арифметики? Мы думаем, что тянем за нить, а нить сама оказывается клубком. Чтобы понять вышеприведенное рассуждение, мало признать, что числа могут иметь значение символов, чего никто не оспаривает. Кроме этого, нужно признать, что: 1) числа, кратные определенному числу, символизируют то же, что и оно само; 2) число 1 символизирует, без всякого различия, Бога и естественный порядок², что значительно расширяет область его приложений; 3) коль скоро философия принадлежит к естественному порядку, всякое символизирующее этот порядок число символизирует также и философию. Исходя из этого, можно взять любое число и без труда заставить его обозначать всё, что угодно. В данном случае искомым является число 60. Скажем, что 1 (Бог) $\times 10$ = божественное совершенство; а поскольку св. Фома учит, что число 6 символизирует достижение творением совершенства, мы можем сосчитать так: 10 (божественное совершенство) $\times 6$ (творение) = 60. Но шестьдесят — чего? О. Мандонне знает ответ: умножая совершенство Бога на число дней творения, мы получаем, без различия, число самых красивых женщин во Флоренции в эпоху Данте, число цариц у царя Соломона и число частей философии. Я готов признать, что всё это суть одно и то же; тем не менее, подобные рассуждения сильно напоминают известную задачу: если даны тоннаж судна и количество узлов в час, каков возраст капитана? Перечитаем о. Мандонне: «Число шестьдесят составлено из десяти — совершенного единства, символа единства Божьего, и числа шесть — символа творения, осуществленного в шесть дней. *Вот почему имеется шестьдесят дам, то есть шестьдесят подразделений научного порядка*»³. Все это не только произвольно перенесено на

¹ P. Mandonnet, *Dante le théologien*, p. 49–50. Статистика о. Мандонне в этом месте представляется мне несколько произвольной, так как он не приводит никаких цифр. Согласно Виллани, население Флоренции составляло в 1339 г. 90 тыс. чел. (см. G. Salvemini, *Florence in the Time of Dante*, in: *Speculum*, Juillet 1936,

риц суть шестьдесят наук, и царицы суть дамы, то шестидесят дам суть шестьдесят наук. Такое доказательство невозможно по двум причинам. Первая причина — в том, что Беатриче названа в числе шестидесяти прекраснейших женщин своего города, и поэтому их действительно шестьдесят, тогда как «голубка» царя Соломона парит над шестьюдесятью царицами, общее число которых составляет, таким образом, 61. Поэтому эти два текста нельзя сравнивать. Вторая причина — в том, что, даже если бы их было правомерно сравнивать, нужно, чтобы Беатриче из «Новой жизни» относилась к шестидесяти дамам так, как теология из «Пира» относится к шестидесяти царицам, которые суть науки. Но в «Новой жизни» Беатриче не пожелала занять среди дам иного места, кроме девятого; следовательно, она — одна из них. Напротив, в «Пире» теология парит, словно чистая голубка, над шестьюдесятью царицами, то есть над науками; следовательно, она не является одной из них. Но если не выстраивается пропорция «Беатриче : 60 дамам = теология : 60 наукам», нельзя заключить ни того, что шестьдесят дам суть шестьдесят наук, ни того, что Беатриче есть теология.

Однажды окунувшись в водоворот чисел, наш историк уже не в силах остановиться. О. Мандонне очень кстати вспоминает, что в сонете, который Данте посвятил своему другу Гвидо Кавальканти, он называет еще одну даму. Более того, он «называет свою даму: № 30»¹. Быть может, читатель поспешит заключить: «Я знаю эту

---

¹ Речь идет о сонете, который посвящен Гвидо Кавальканти и начинается со слов: «*Guido i'vorrei...*» [«Гвидо, я хотел бы...»]. Его можно найти в любом издании Канцон Данте. В издании, которое у меня под рукой: *Tutte le opere di Dante Alighieri*, Firenze, G. Barbéra, 1919, он опубликован среди *Rime Amoroze* под номером XV, р. 153. Позволю себе заметить, что данная сноска является тридцать первой в этой главе; 31 = 3, божественной Троице, + 1, божественному единству. Сонет Гвидо в названном издании стоит под номером XV: 15 = 1 + 5 = 6:

№ 9! Мы также знаем, что имеется шестьдесят дам; значит, вновь названная дама должна быть тридцатой наукой. Какой именно? Так как Данте ни разу не называет имен ни шестидесяти цариц, ни шестидесяти наук, ни шестидесяти дам, задача неразрешима — по крайней мере, для нас. Но не для о. Мандонне. Тридцать, говорит он, — это середина шестидесяти; значит, наука № 30 — это наука о середине, то есть мораль¹. К чему возражать, что, во-первых, в иерархической классификации наук, которая приводится самим Данте и о которой мы будем говорить подробнее², он отводит морали не тридцатое, а первое место. Во-вторых, неправда, что в названном сонете Данте «называет свою даму: № 30». Он просто говорит: «*Quella ch'è sul numero del trenta*» («Та, что стоит *под номером* тридцать») — или даже, если следовать изданию G. Barbèra, «*con quella ch' è in sul numer delle trenta*» («С той, которая находится в числе тридцати»)³. Кто эта дама? Гвидо Кавальканти, несомненно, ее знал. Но для тех, кто читал Кавальканти, какое наслаждение — фантазировать, впервые читая этот сонет Данте глазами о. Мандонне! Данте выражает в нем надежду на приятную встречу, где друзья смогут без конца говорить о любви с Монной Ванной, Монной Ладжей и... моралью. Заключим вместе с Данте: «И каждая из них останется довольной, как, думаю, довольными останемся и мы». В самом деле, с двумя флорентийками и моралью впридачу Данте и Гвидо неплохо

ной дважды девяткой, что означает, в силу удвоенного символизма, единство произведения Данте и его абсолютно священный характер. С другой стороны, если взять по отдельности каждую из этих двух групп чисел, то есть 19, мы получим дважды 1 + 9, то есть удвоенное утверждение творения, символизируемого числом 1, но взятого в его совершенстве, которое обозначается числом 10, так как искусство Данте, будучи тварным образом Бога-Творца, является, на уровне художественного творчества, совершенным аналогом божественного искусства. Хочу заранее предупредить моих критиков, что не приму никаких

числовую экзегезу. Ее возможности бесконечны, как возможности самих чисел. Если возразить о. Мандонне, что Данте нигде не перечисляет пресловутые шестьдесят подразделений философии, наш историк ответит: да, конечно. Однако примерно двадцать из них он называет в четырех написанных книгах «Пира»; между тем в законченном виде этот труд должен был содержать четырнадцать книг; значит, Данте нашел бы способ назвать сорок остальных наук в десяти ненаписанных книгах¹. Как возразить против этого? Но Данте не нуждался в четырнадцати книгах, чтобы назвать эти шестьдесят наук; ему хватило бы шестидесяти слов, и в тот момент, когда он пожелал бы перечислить все шестьдесят наук, он действительно перечислил бы их. Толкователям Данте вольно вкладывать любые домыслы в те десять книг, которых он не написал. Здесь всё символично — *даже тот факт, что этих книг нет*. Не думайте, что это моя выдумка: это слова самого о. Мандонне: «Кроме того, вряд ли Данте собирался написать *Пир* целиком. Я думаю, он символически изложил лишь часть трактата, указав тем самым, что философия — вещь несовершенная и никогда не достигающая окончания»². Если даже небытие символично, тогда действительно нет препятствий к тому, чтобы и Беатриче свести к символике числа. А теология, значит, — вещь совершенная и всегда законченная? Если нет, почему тогда Данте завершил «Божественную Комедию»? Но оставим это. Останемся при том убеждении, что, если бы Данте того пожелал, он бы назвал сорок недостающих наук в десяти книгах, которые, быть может, никогда и не намеревался писать. В самом деле, отношение числа 40 к 0¹⁰ может символизировать что угодно.